

*Читайте о приключениях
неутомимой сыщицы
Арины Балованцевой
и её друзей:*

- 1. Сыщик, ищи вора!**
- 2. Угнанное пианино**
- 3. Пудель бродит по Европе**
- 4. Склад съедобных улик**

Елена Честерина

УГНАННОЕ ПИАНИНО

#эксмодетство

Москва
2020

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Разработка дизайна серии *Владимира Щербакова*
Оформление переплета *Юрия Щербакова*
Иллюстрация на переплете *Вячеслава Остапенко*

Нестерина, Елена Вячеславовна.
Н56 Угнанное пианино / Елена Нестерина. — Москва :
Эксмо, 2020. — 192 с. — (Чёрный котёнок).

ISBN 978-5-04-090690-1

Бедняжке Зое Редькиной никогда не везло! Ни в любви, ни в учёбе... А сегодня исчезла и единственная дорогая ей вещь — пианино, подаренное тёткой. Укатали его какие-то злоумышленники в неизвестном направлении. И где искать, как — совершенно непонятно. Арина Балованцева, подруга Зои, разрабатывала версию за версией. Антоша Мыльченко, который крутился в момент исчезновения инструмента в Зоинном подъезде и мог быть свидетелем преступления, тоже куда-то неожиданно пропал...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090690-1

© Нестерина Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА I

ПРАЗДНИЧНЫЙ ХРАП

Эта история случилась в тот самый знаменательный день, который в народе с тысяча-девятьсот-лохматых годов зовут праздником всех женщин Восьмое марта. И началась она именно тогда, когда ученица седьмого «В» класса Зоя Редькина вместе с матерью и братом-первоклассником вошла в единственную комнату своей родной квартиры.

На дворе стояло праздничное утро: вся страна отмечала Восьмое марта. Хорошо встретил его и удалой Зоин папаша, регулярно пьющий сантехник Редькин: на всю квартиру раздавался его громкий праздничный храп.

Увидев спящего и храпящего муженька, мать Зои и Толика, работница одеяльно-матрасной фабрики Клавдия Редькина привычно расстрои-

лась: ведь, чтобы заработать семье на праздничный обед, с раннего утра она вместе с наследниками торговала возле супермаркета мимозами. Владелец большого склада цветов и плодов, добрый человек Карен Бабкенович, часто давал всей округе заработать — по сниженной цене отпускал цветы на реализацию. Не отказал и сегодня.

И вот мимозы проданы, продукты куплены — но никто в квартире Редькиных не встречает с объятиями маленький трудовой коллектив. Отец семейства спит, не собираясь ничем, кроме носовых рулад, радовать своих близких... Даже входная дверь оказалась незапертой. Чувствовалось, что праздника так сегодня и не будет.

Не будет, это точно! Зоя первой осознала это. Потому что дверь не заперта, папаша спит, а... в квартире побывали воры! Всё, абсолютно всё находилось на местах в единственной комнате и маленькой прихожей. И только пианино, прекрасного чёрного пианино фабрики «Аккорд», там, где оно всегда стояло, теперь не было! Осталось от него лишь пустое пыльное место — серый прямоугольник у стены.

Его не оказалось ни в ванной, ни на кухне. Укатило пианино на своих колёсиках в неизвестном направлении. О том, что укатило, красноречиво говорили следы на полу. И даже царапина осталась на повороте.

Такого вероломства от папаши Зоя не ожидала. А уж тем более в светлый праздник всех дочек страны... Понятно на все сто процентов: папаша пианино продал, а деньги пропил — и спит теперь счастливо!

Зоя всё ещё не могла до конца поверить в это, а потому по двадцать седьмому разу принялась обшаривать их немудрящее жильё — а вдруг всё-таки заваялось где это пианино, вдруг она просто устала и его не замечает?..

«Где же оно? Где моё прекрасное пианино? — горевала Зоя. — Как вообще это могло случиться?» Чёрное пианино — это была её единственная личная вещь. Пианино подарила незадолго до своей смерти тётя Маруся — мамина сестра. Все родственники обещали Марусе, что не притронутся к пианино и ничего с ним не сделают, пока Зоя сама этого не захочет. Даже специальную дарственную бумагу тётя Маруся, которая очень любила кроткую Зою, для этого составила. Знала, что к её мнению прислушиваться особо не будут, если что. А так — документ. Бумага отпугивала своей грозной печатью.

И до последнего времени, даже в самые голодные времена, на музыкальный инструмент никто не покушался. Да, пусть Зою ругали, пусть соседи возмущённо стучали в стенку, когда девочка исполняла, громко себе аккомпанируя,

арии собственного сочинения. Или когда она импровизировала в разных стилях. Её просили не долбить по клавишам и не петь, грозилась руки ей за спиной завязывать и рот скотчем заклеивать, но Зоя продолжала играть.

И тем не менее ничего с её инструментом не делали, помня завещание тёти.

И вот теперь папаша это совершил!.. Но ведь обещал же не трогать! Как же так? Он, правда, регулярно что-нибудь пропивал — недавно вот дублёнку материну пропил и пластиковый электрический чайник. А на пианино не покушался. Ни-ког-да. Значит, сегодня-таки покусился, беспринципный человек...

— ...Что, правда, что ли, пианино нету? — удивилась мать.

— Да... — ответила Зоя — и первая слезинка покатила из её глаза.

— Он? — Мать ткнула шапкой в сторону папаша.

— Наверно...

Мать принялась будить отца, чтобы спросить, куда он фортепьяно дел, но тот не реагировал — сладко шлёпал губами и продолжал смотреть праздничные сны.

— Самая дорогая вещь в доме пропала, а он хоть бы хны! — возмущалась мать.

Она с проворностью, которой позавидовал бы любой полицейский, быстро обшарила папашины карманы, но денег там не нашла.

— Пропил ведь фортепьяно, подлец! Пропил наш праздник, пропил, пропил! — горя обидой и возмущением, ругалась она и била мужа по физиономии мохеровой шапкой, на которой снежинки не спеша превращались в дождинки.

Поняв, что всё напрасно и бить лежачую тушку бесполезно, мать уселась за стол на кухне и принялась горевать. Сумки с праздничными продуктами сиротливо жалась к её ногам, но она не замечала их. Вот такой невесёлый праздник ждал Клавдию Редькину...

А Толик Редькин встал в самом центре пыльного прямоугольника, оставшегося от пианино, и, радостно улыбаясь, вскинул руки вверх.

— Ура! — воскликнул он.

— Я тебе сейчас дам «ура!», — всхлипнула Зоя и погрозила брату кулаком.

А Толик продолжал чувствовать себя счастливым. Он понял: Восьмое марта — это чудесный праздник, потому что именно на него, а не под Новый год, сбываются желания. Сколько раз он загадывал, чтобы ненавистное пианино исчезло наконец из квартиры. Правда, Толик добавлял всегда к этой просьбе ещё и то, чтобы вместе

с пианино испарилась из дома и сама пианистка. Но без её любимого инструмента сестру он ещё терпел, так что всё равно мог считать, что желание его исполнилось.

«Что же делать? — лихорадочно думала Зоя Редькина. — В полицию обращаться? Придётся».

Хлопнув дверью, Зоя вылетела из квартиры. Всё равно городского телефона в доме у них не имелось, мобильный только у матери, а она не даст.

К Арине! Конечно, надо идти к Балованцевой Арине! У неё и телефоны есть. И мозги! Арина обязательно Зое поможет!

Зоя пробежала очередной лестничный пролёт, когда вдруг откуда ни возьмись перед ней, как лист перед травой, возник одноклассник Антоша Мыльченко. Зачем он таскается по её подъезду, если сам живёт в другом доме — в соседнем, Зоя размышлять не стала. Не до того ей было.

— Зоя! — воскликнул Антоша, протягивая к Редькиной Зое руки. — А вот и ты! Радуйся! Сюрприз тебя ждёт! Сюрприз!

— Какой ещё сюрприз? — удивилась Зоя, но тут же горестно ахнула, не сбавляя темпа бега. — Ах, Мыльченко! У меня уже есть — та-а-акой сюрприз! Так что не до тебя...

— Постой, Зоя, куда ты?! Я хочу тебе кое-что сказать! — начал было Антоша, и глаза его привычно закатились к небу.

— Нет-нет, не надо! Мне некогда сейчас! — бросила Зоя Редькина.

Но Антоша, не желая, видно, чтобы девочка исчезала, точно видение, принялся хватать её за руки.

— Да ну тебя, Гуманоид несчастный! — испугалась Зоя и стала отчаянно вырываться. — Чего ещё придумал?

— Ну, Зоя... — взвыл Антон. — Ну сюрприз же!

Но Зоя, не зная, что может быть сейчас на уме у этого странного мальчика, дёрнулась особенно резво и, чуть не сбив Антошку с ног, вылетела из подъезда.

Крики и призывы Антона затихли у неё за спиной. А путь к дому Арины Балованцевой был неблизкий. Она жила на самом краю города, вернее, даже за его чертой — по другую сторону загородного шоссе. Улица Трикотажная, на которой стояли дома Зои и Антоши Мыльченко, тоже находилась в окраинном микрорайоне, но Аринин домик — просто на отшибе. Так что бежала туда плачущая и дрожащая от обиды Зоя долго — минут двадцать точно. С серого, совсем не праздничного неба повалили крупные влажные хлопья, скоро все дорожки покрылись снегом, а Зоя бежала и бежала...

ГЛАВА II

НЕБО В КЛЕТОЧКУ, ДРУЗЬЯ В ПОЛОСОЧКУ

А за это время успело произойти следующее. Красивая девочка Вероника Кеник, одноклассница Зои, Арины и Антоши, как следует убра-лась в своей квартире. Её родители по случаю праздника уехали в гости, оставив дом в полном дочкином распоряжении.

Вероника украсила стол двумя длинными све-чами в медных подсвечниках, подумала-поду-мала и зажгла их, выставила на середину торт со взбитыми сливками, налила в высокие бокалы гранатового сока, похожего на настоящее крас-ное вино...

Она поджидала Богдана, своего поклонника. Богдан учился в восьмом классе, был весел, остроумен, хорош собой: имел красивую чёлку, которая так падала ему на глаза, что казалось, нет более загадочного парня на всём белом свете!

Подружки завидовали Веронике, когда она проплывала мимо них под ручку с прекрасным Богданчиком.

И вот сегодня, в день праздника Восьмое марта, он должен был нанести Веронике визит... Потом они собирались пойти в кино, а оттуда на дискотеку — так что всё предполагалось, как у взрослых, и даже лучше.

Стол для романтического ужина, а вернее обеда, был давно накрыт. Вероника посмотрела на себя в зеркало, поправила волосы и тщательно замалякала губы, которые ей показались наивно розовыми, ядрёно-коричневой помадой. Из зеркального овала на Веронику глядела весьма взрослая девушка. Вероника сама себе понравилась.

Но до прихода Богданчика по-прежнему оставалось время. А чем ещё заняться, Вероника не знала.

Как раз в этот момент раздался звонок в дверь.

«Какой Богдан молодец! — обрадовалась девочка. — Он понял, что я скучаю, и пришёл раньше! Умница!»

Она распахнула дверь — и тут в квартиру, как вихрь, ворвался очень неожиданный персонаж: растрёпанный и взмокший Антоша Мыльченко. Решительно захлопнув за собой дверь, он придавил её задом.

И тут же скороговоркой (чтобы его не выгнали), не давая Веронике опомниться, Антоша забормотал:

— Здравствуй, Вероника! Уф-уф! Ты мне доверяешь — потому что открыла дверь не глядя. Вот спасибо! Это я. Ох, какой снег на улице... И это в день такого торжественного, такого цветочного праздника...

Вероника просто обалдела — меньше всего именно этого мальчика она ожидала увидеть у себя дома всего лишь в нескольких метрах от стола с тортом и горящими свечами.

— Погоди, Мыльченко... Ты... — она еле-еле смогла что-то вообще сказать, так была удивлена. — Здравствуй, конечно.

Антон порывисто взмахнул рукой, сделал шаг вперёд, вытащил из-за спины какой-то шуршащий пакет и... принялся декламировать:

Красивых женщин всех поздравить
Мы очень радостно хотим!
Всем им подарки сразу дарим,
Их осчастливить...

С этими словами он сделал ещё шаг к Веронике (явно собираясь осчастливить), снова взмахнул рукой — и на него упало пальто с вешалки. Это не позволило ему немедленно осчастливить Веронику, но дало возможность ей понять, что происходит. Девочка сдёрнула с незадачливого декламатора упавшее пальто. Антоша завертел головой, на миг замолчав.

— Стоп, стоп, стоп, Мыльченко. Кого это ты собираешься осчастливить?

Антоша тут же набрал в лёгкие воздуха и затараторил:

— Я сочинил эти поэтические строки, Вероника... Ты знаешь, я не только писатель,

я ещё и поэт, хочу вместе с ними преподнести тебе, как самой красивой девочке в школе, в городе и в мире! Во всём мире! Преподнести одну вещь...

Этот текст Веронике показался небезынтересным — согласитесь, и в будни, и в праздники такое слышать всегда приятно!

— Погоди-ка... — сказала она. — Ты, может, не будешь в куртке и в шапке тут в коридоре топтаться? Чувствуется, тебе очень жарко.

Антоша охотно с этим согласился.

— Да! — воскликнул он. — В моей груди полыхает пожар!

— Клади сюда.

— Что? — не понял Антоша, пряча свёрток за спину.

— Да шапку свою! — Вероника хлопнула ладошкой по мягкой обивке пуфика. — Сюда.

Антоша метнул на пуфик свою шапку-ушанку, вновь зашуршал загадочным пакетом.

— И я хочу преподнести тебе, Вероника... — опять запел-завыл он.

Вероника улыбнулась, незаметно покосилась на часы: до прихода ненаглядного Богдана оставалось пятнадцать минут. Мыльченко поздравлять собрался — так пусть поздравляет. Пустячок, а приятно. Правда, вчера в школе их однокласснички уже поздравили — каждой девочке подарили по булке, пластиковым пры-